

Ю Л И Я Р Е З Н И К
ДЕВОЧКА. ДЕВУШКА.
ЖЕНЩИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Девочка. Девушка. Женщина

«Автор»

2026

Резник Ю.

Девочка. Девушка. Женщина / Ю. Резник — «Автор», 2026

Когда они увиделись впервые, Есенин было пять. Она танцевала в своем первом спектакле, а он на правах спонсора сидел на лучшем месте в зрительном зале. С тех пор прошло много лет. Девочка выросла. Ее звезда взошла, и едва не погасла. В это тяжелое время Артур оказался рядом. Влюбленный, заботливый, готовый бросить к ее ногам весь мир. Жаль, она не сразу смогла это оценить.

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Резник

Девочка. Девушка. Женщина

ПРОЛОГ

Настоящее

– Ты реально вот так поедешь? – спросила меня одна из девочек, проходясь презрительным взглядом по пестрому сарафанчику, поверх которого я как раз надевала джинсовку – на дворе хоть и стоял конец лета, ночами было уже прохладно.

– Да мне только до такси добежать.

Приложение Убера глючило. Если ему верить, машина вот уже три минуты кружила вокруг театра, а время ожидания то резко сокращалось, то опять стремительно увеличивалось. Было совершенно непонятно, что мне делать – отменять и заказывать новую, или еще подождать?

– Разве тебя не предупредили, что у нас выезд?

После трех часов на сцене в роли Раймонды соображалось с трудом. И лишь одного хотелось: как можно скорее принять горизонтальное положение, чтобы, наконец, дать отдых натруженным мышцам.

– Там за нами машину прислали. Говорят, тебя особенно хотят видеть, – пропела Ленка, заставляя меня поежиться. О том, что наших балетных пачками отправляют скрасить досуг сильным мира сего, я знала, да... Не такой уж я была недотрогой, как обо мне думали. Другое дело, что сама я не собиралась примыкать к этим «гастролям». Колхоз – дело добровольное.

– Серьезно? Тогда у меня для них плохие новости.

На этом посчитав разговор оконченным, я подхватила рюкзак и двинулась к двери. Когда-то еще студенткой я мечтала, как у входа меня будут встречать толпы фанатов. Но правда в том, что нынче редко какой зритель досиживал до третьего акта, а уж тем более никто не ждал, пока артист разгримируется. Покупая дорогостоящие билеты, мало кто вообще приходил на балет. Народ просто хотел зачекиниться в главном театре страны, сделать пару фоток, ну и, может, выпить бокал шампанского в буфете.

– Девки, вы че копаетесь? Все уже собрались, – едва не сбив меня с ног, возмутился один из солистов.

– Я не еду, Дань. Вы там как-то сами давайте.

– Эй, ты че? – растерялся он. – Тебя ждут серьезные люди.

– Не мои проблемы, – храбрилась я в ответ, чувствуя, как тревога собирается изморосью между лопаток.

– Она в первый раз, – засмеялась Ленка, протискиваясь между нами. Я испуганно сунулась было следом, но Данил притормозил меня, поймав за руку.

– Так нельзя, Сеня. Таким людям не отказывают. Говорят, тебя сам Сомов пригласил.

– Да мне все равно, кто. Я никуда не поеду.

Выдернув руку, я толкнула дверь гримерки, пронеслась по коридору, спустилась по лестнице и уже думала, что этот день остался позади. Но у самого выхода меня окликнули:

– Есения? Ты почему еще здесь?

– А где мне быть? – прежде чем повернуться к заму директора не пойми по какой части, я сглотнула. Об этом мужике каких только ни ходило легенд. Никто не знал, чем конкретно он занимается, но у всех жопы горели в его присутствии. Настоящий серый кардинал.

– У вас выезд. Тебе что, не сказали? – нахмурил кустистые брови Зубов и взглянул на часы, отодвинув манжету похожим на сардельку пальцем.

– Сказали. Я отказалась.

– О как. А почему? – удивился он, и что-то такое мелькнуло в его маленьких поросячьих глазках, что я поежилась.

– Потому что могу, – просипела, облизав пересохшие губы. – Я же могу?

– Ну конечно! Но только сначала взвесь, чего ты от жизни хочешь. Тебя только вернули из твоей жопы, куда сослали, начали давать роли, закрыв глаза на травму, а ты ерепенишься. А почему? Может, в благодарность за то, что мы оплатили тебе расширенную медстраховку?

– Меня не предупреждали, что за нее придется расплачиваться, раздвигая ноги.

Мой шепот прокатился эхом между стен и зазвенел в хрустале люстры. С тоской проследив взглядом за его траекторией, я с трудом вернула внимание к собеседнику. Виски ломило от напряжения. Хотелось тоже куда-нибудь улететь, да хоть под землю провалиться, что угодно, лишь бы с этим как можно скорей покончить.

– Да зачем сразу раздвигать?! Что за пошлость? Где вы этого понабрались? – зашелся в праведном гневе Зубов. – Человек тебя пригласил познакомиться. Понимаешь, в чем разница? А ты, глупышка, накрутила себя на пустом месте! Давай-давай, – захлопал в ладоши, будто подгоняя. – Машина еще не уехала.

– Но...

– Никто не заставит тебя делать то, чего ты не хочешь. Когда тебе еще выпадет такой шанс? Поешь вкусно, пообщаешься с умными людьми. А там, глядишь, и мужа найдешь, – захохотал. – Или покровителя, – добавил с намеком, переводя взгляд мне за спину. Я пугливо обернулась, внутренне готовая к тому, что меня сейчас скрутят по рукам и ногам и потащат к этому (как его?) силой. Но в двери впорхнула стайка смеющихся девчонок:

– Сенька, ну ты скоро? Мы замучались ждать!

– Есения? – вздернул бровь Зубов.

– Ладно, – сдалась я. Вдруг показалось, что я и впрямь излишне себя накрутила. Мы же не в средневековье. Никто не может заставить меня делать то, что мне не по душе – это факт. К тому же я уже столько ради своей карьеры пожертвовала, что было бы глупо отступить сейчас из-за сущей мелочи.

И вроде мне удалось как-то договориться с собственной совестью, но все равно, стоило нам остановиться возле шикарного микроавтобуса с затемненными стеклами, как что-то внутри будто на дыбы встало и уперлось лапами. Неизвестно, сколько бы я так простояла, если бы меня не толкнули в спину:

– Давай уж, и так тебя ждали, как королеву!

Пригнувшись, я поднялась в шикарный отделанный деревом и светлой кожей салон. Судя по тому, как профессионально мои коллеги потрошили бар, я здесь одна оказалась впервые.

– На. Выпей. Тебе надо расслабиться, – Данька всунул мне в руки бокал с пузырящимся прохладным шампанским. Послушно его приняв, чтобы не приковывать к себе еще большего внимания, я отвернулась к окну. Участвовать в общем разговоре не хотелось. То, что в нашей компании были и парни, почему-то меня расслабило. Уже потом, анализируя весь кошмар, который мне еще только предстояло пережить, я так и не смогла понять, почему. Я же знала и о том, что на мальчиков тоже есть спрос, и о том, что среди балетных таких мальчиков много... Но я расслабилась, да.

Ехали недолго. Остановились у массивных ворот. Я и не думала, что в столице есть такой частный сектор. Тем более едва ли не в самом центре. Мелькнула мысль, что я не соизволила узнать, кто вообще такой этот Сомов. А что если он из тех, кому не говорят «нет»? О том, что такие люди живут среди нас, я была наслышана. Мне еще мой первый педагог об этом рассказывала. Она в нашей провинции лишь потому очутилась, что в свое время отказала не тому человеку. Человеку, который впоследствии сломал ей карьеру. Человеку, от которого она бежала так далеко, что оказалась на нашем острове. Стоило вспомнить дом, как сердце заныло...

– Ну что ты опять тормозишь, Вавилова? Пойдем!

Глядя вслед пошатывающимся девчонкам, я подумала о том, что было бы интересно посмотреть на их завтрашние фуэте, и ухмыльнулась.

Дом, куда мы попали, с порога поражал великолепием. Как будто и театр не покидала – мелькнула мысль. Те же люстры, те же тяжелые шторы. В остальном мне все показалось даже приличным. Поначалу. Нас представили каким-то людям, некоторых из которых я, кажется, даже видела по телевизору, пригласили за богато накрытый стол. Прием как прием. Был среди собравшихся и тот самый Сомов. Высокий худой мужик с обрюзгшими как у бульдога щеками. Нас познакомили. Он вел себя вполне достойно.

Что происходит что-то не то, я поняла сразу. Потом только, почувствовав странные вибрации, я, наконец, вынырнула из своих грез и, оглядевшись, обратила внимание, что за столом не осталось и половины приглашенных. Все разбрелись куда-то. Это заставило нервничать. Под пристальным взглядом Сомова встала и я. Пробормотала что-то про дамскую комнату. Решив, что оттуда я и вызову такси, уткнулась в сумочку в поисках телефона. Прошла через коридор, толкнула дверь, а когда подняла глаза, вдруг встретилась взглядом с прижатой щекой к мраморной столешнице Ленкой, которую размашисто трахал смутно знакомый пузатый мужик. Я почему-то запомнила, хотя вылетела оттуда тут же, пулей, и это рыхлое, как тесто, тело, и Ленкины с бездонными колодцами расширившихся зрачков глаза. Эта картинка стояла передо мной, пока я бежала, не разбирая дороги, вперед. И когда я чуть не вышибла дух, со всех ног врезавшись в хозяина дома.

– Ох! Кого я поймал!

– Извините, – просипела я.

– Да все нормально, Сенечка. Я как раз вас искал. Прогуляемся? – предложил руку.

– Нет, вы знаете, мне нужно срочно домой.

– А что так? У вас что-то случилось? Может, я бы мог вам помочь?

Я зажмурилась, заставляя себя успокоиться. В конце концов, это не Сомов там был. Да и я – не Ленка.

– Нет, спасибо. Мне просто нужно уйти.

– Вы так взволнованы. Может, воды?

Если бы вина предложил, я бы отказалась. А так вцепилась в стакан, что даже пальцы побелели. И осушила махом.

– Пойдемте. Присядем.

– Мне надо домой, – с нажимом повторила я.

– Да я понял, – улыбнулся Сомов, холодно сверкнув глазами. – Сейчас вызову машину.

Или вы на своей?

Он прекрасно знал, как мы сюда попали, но почему-то эта мысль пришла мне в голову лишь потом. А в тот момент мне опять показалось, что я чересчур нагнетаю. Человек не сделал мне ничего плохого, а я разнервничалась так, словно мне пришлось иметь дело с маньяком.

– Я хотела вызвать такси.

Этим простодушным замечанием я почему-то его рассмешила. В черных глазах мелькнуло искреннее веселье, расслабляя и притупляя бдительность.

– Что вы. Машинам такси сюда хода нет. Тем более что с моим водителем вам будет надежнее. Вы присядьте, я распоряжусь.

Я села, удивленно осматриваясь и не совсем понимая, как вообще очутилась в этой комнате. А Сомов действительно куда-то отошел, приложив айфон к уху. Убаюканная его голосом, я зажмурилась. Тело расслабилась. Я словно домой вернулась, и океан качал меня, сомкнув в своих холодных объятиях.

– Девочка, какая красивая, – голени коснулись горячие пальцы, поднялись вверх, пробрались под платье.

Мне казалось, что сбылся мой самый сладкий сон. Артур... мой Артур. Приехал за мной! Не выдержал.

– Артур... – счастливо выдохнула я и тут же дернулась, оглушенная звонкой оплеухой.

– Ты с именами других мужиков давай поосторожней, – оскалился... кто? Я не сразу осознала! Нелепо моргнула. Воспоминания возвращались нехотя, странными пульсирующими вспышками, слишком яркими для моих глаз. И почему-то все со стороны виделось. Будто моя душа отделилась от тела. Открывшаяся мне картина была совершенно невыносимой. Я попыталась свести ноги и как-то освободиться, но кто мне дал? Тогда я начала кричать. И меня заткнули...

– Что ж ты дикая такая? Сейчас папочкин член распробуешь, потом сама просить будешь.

А дальше все вообще как во сне было. Как в ужасном, преследующем тебя из ночи в ночь кошмаре. И не спасали совсем таблетки, который мне, как я уже потом поняла, подсыпали в воду. Напротив, он, обострив все органы чувств, делал происходящее абсолютно несовместимым с жизнью.

Но я не сдавалась. Я хрипела, вырывалась и махала руками до тех пор, пока не нащупала что-то тяжелое на столике у дивана. Когда платье затрещало по швам, я затаилась. Вложила в удар все силы, что еще во мне оставались. И ведь получилось! Нависающее надо мной тело обмякло и рухнуло сверху. Скуля, как побитый щенок, я кое-как выбралась из-под навалившейся на меня туши и рванула вперед, опасаясь, что меня вот-вот кто-нибудь остановят. И даже очутившись на улице, не сразу поверила, что мой кошмар позади. Остановилась лишь на секунду, чуть переводя дух, и снова побежала. Через сад в красивых праздничных огоньках, мимо брошенных вдоль подъездной дороги машин. Во время этой страшной гонки почему-то вспомнилось, что мой Артур сидел за угон. Смешно, я бежала и жалела о том, что он не научил меня вскрывать тачки. Вот когда бы этот навык здорово мне пригодился!

И тут в салоне одной из машин включился и погас свет. Недолго думая, я рванула к ней, дернула ручку, а когда дверь поддалась, неуклюже запрыгнула на сиденье и взмолилась:

– Пожалуйста, увезите меня отсюда, пожалуйста... Я вам заплачу! Только увезите.

И лишь потом повернулась к водителю и... застыла. Потому что этого не могло быть. Не могло. И все тут.

– Есения? Ты что здесь делаешь? – ровно поинтересовался... Артур.

ГЛАВА 1

Чуть более чем за год до основных событий.

Борт сел по расписанию, несмотря на предупреждение о надвигающемся тайфуне. У самой земли самолет качнуло. Кто-то ахнул, кто-то в панике схватился за сердце, а я лишь равнодушно отвела взгляд от иллюминатора.

– Дамы и господа, наш самолет произвел посадку в аэропорту...

Одна пересадка, десять часов в пути. И вот он – мой дом. Раньше я любила возвращаться на остров. Это вообще легко – возвращаться куда бы то ни было победителем.

– Сенька! Сенька, – голос отца едва не утонул в очередном объявлении по громкоговорителю. – Привет, коза! Ну, наконец-то! Это все вещи? – папка схватил мой рюкзак и закинул на плечо.

– Привет, пап. Что ты? – засмеялась сквозь слезы. – Когда бы я успела получить багаж? Только сели ведь.

– Ну, так пойдем, – скомандовал отец, сжав меня в медвежьих объятьях. Блеснувшие в его глазах слезы растрогали. Оказывается, я тоже очень скучала, просто в череде свалившихся на меня несчастий думать об этом было совершенно некогда.

Переговариваясь о каких-то несущественных глупостях, мы прошли в зону выдачи багажа. Вся моя звездная жизнь в столице вместилась в два больших терракотовых чемодана. Не так много, особенно если не принимать во внимание еще четыре коробки, отправленные мной на остров заранее. В них были преимущественно книги и всякие милые сердцу безделушки, которые я успела закупить, разъезжая по миру с гастролями.

– Ну, чего нос повесила? Дома-то хорошо!

– Угу. Пап, закрой окно, пожалуйста, – пробормотала я, пристегивая ремень.

– Зачем, Сенька? Тебе же нравится свежий воздух.

Да, но не когда он так остро пахнет несбывшимися мечтами.

– Дождь вот-вот начнется, – прошептала я.

Отец нажал на стеклоподъемник и скосил на меня взгляд:

– Как твоя ножка?

На удивление нормально. Только это ничего теперь не меняло! С психу я излишне резко дернула молнию на парке – в машине было тепло, а от накатившей злости меня вообще в жар бросило. Ох, как же я ненавидела то, что со мной случилось! Чертовы лондонские гастроли! Я уже тысячу раз их прокляла, ведь если бы не они, я бы не порвала связку. А теперь вот, пожалуйста. И все мысли о том, что же я сделала неправильно, и могла ли этого избежать. А еще чудовищная злость, да... Уж лучше мне было совсем не видеть главных партий, чем лишиться их, оттанцевав лишь четыре года, но уже успев распробовать вкус славы. Тем более что по здоровью прогнозы-то были нормальные. Ненормальной была конкуренция в главном театре страны. Из которого меня поперли, как отбраковку, едва закончился срок контракта, словно это не они еще недавно на руках меня носили за мой талант. Но больше всего меня ярило осознание того, что все могло пойти и по другому сценарию. Будь я гибче, научись лизать зад руководству и всячески выслуживаться, как те, кому были отданы мои партии. Но я не могла. Да и никогда к тому не стремилась, по наивности веря, что талант всегда пробьет себе дорогу.

– Нормально, но знаешь, давай не будем об этом говорить. Не хочу.

– Как скажешь, Сенька. Только рано или поздно ведь все равно придется.

– Возможно. А пока просто хочется отдохнуть от всей этой круговерти.

Отец промолчал, глянул на меня как-то странно и потрепал по руке шершавой мозолистой ладонью.

– Я тебе симу засолил.

– Да ты что? И как клёв? – изобразила я интерес. Так и ехали, слизывая капотом отцовской Тойоты километры дороги, да болтали ни о чем, а солнце шурилось на нас, с трудом пробиваясь сквозь черные гроззовые тучи.

На Лимонке, где мои родители жили немногим больше двадцати лет, ничего не поменялось. Отец высадил меня у подъезда вместе с чемоданами и поехал дальше в поисках места для парковки. А я, дожидаясь его, присела на выкрашенную уродливой зеленой краской лавочку. И тут меня окликнули:

– Есения!

– Дана Родионовна! Вот так сюрприз, – вскочила я, чтобы обняться со своим первым педагогом. – Я невероятно рада вас видеть!

– Как нога? – взяла быка за рога Романова, невольно заставляя меня улыбнуться.

– Нога почти в порядке.

– А форма? Я, признаться боялась, что ты разжиреешь, но, как погляжу, нужно было о другом беспокоиться. Ты вообще ешь? – нахмурилась Дана Родионовна, проходясь наметанным взглядом по моей упакованной в удобный трикотажный костюм фигурке.

– Когда аппетит появляется.

– Не узнаю я тебя, Есения. Неужто ты так быстро сдалась?

– А что мне оставалось делать? Все за меня решили.

– Знаешь, Сень, что я заметила? Даже самые отчаянные фаталисты смотрят по сторонам, переходя дорогу.

Помимо того, что Даночка являлась по-настоящему выдающимся педагогом, она была еще и необычайно мудрым человеком. В детстве я слушала ее речи заворуженно, как сказки. Но сейчас, когда я окончательно перестала в них верить, даже слова Романовой воспринимались скорее остро негативно. И нет. Я не сдалась. Но стала жутко мнительной. Это правда.

– Зайдите к нам на чай? – сменила тему, завидев худую отцовскую фигуру, появившуюся из-за трансформаторной будки.

– Не сейчас. Побудь лучше с родителями, а завтра прям рано утречком ко мне забегай. Есть у меня кое-какие соображения.

На секунду в моей душе загорелся огонек – Романова была не последним человек в местной балетной тусовке. Разгорелся и тут же погас. Ну что она, в конце концов, могла мне предложить? Ставку в местном театре? Нет, конечно, в моем положении и это было неплохо, но... Под ребрами, там, где сердце, болезненно потянуло. Потом. Может быть, потом я смирюсь, что мне просто не светит ничего больше, и даже найду в себе благодарность. А пока я была к этому не готова.

– Дана Родионовна! Рад вас видеть, – пробасил отец.

– Добрый день, Сергей. А я тут журю Сенечку за то, как она истончилась.

– Ой, не говорите. Одна кожа да кости остались!

– Вы, пожалуйста, проследите с Ириной, чтобы она правильно кушала.

– Вот уж не сомневайтесь, – от души засмеялся отец, – вы же знаете, нам только дай ее накормить.

Это правда. В детстве, до того как я поступила в столичную балетную школу, родители и впрямь с легкостью нарушали мою диету. Хорошо, что я никогда не была склонна к полноте и даже в подростковом возрасте, когда девчонки стали одна за другой расцветать в самых неподходящих для балерины местах, я оставалась тоненькой как тростинка. За что меня травили не меньше, чем за талант, отмеченный педагогами. И шептались по углам, дескать, я такая худая, потому что девочка. Почему они так решили – я понятия не имела, личным я ни с кем не делилась. Впрочем, парней у меня действительно не было. Они меня категорически не интересовали. Очень долго я жила лишь балетом, который заменял мне все.

– Ну, где вы так долго ходили? – набросилась на нас с отцом мать с порога.

– Привет, мам.

– Привет, Сенька...

К удивлению, мама заплакала. И это было особенно странно, потому что более сдержанной женщины, чем моя мать, я не знала.

– Эй, мам, ты чего? Так волновалась из-за погоды? Ну, посадили бы нас на материке. Подумаешь, сняла бы гостиницу.

Я готова была искать какие угодно причины такому поведению, лишь бы не думать о том, что мама оплакивает мою поломанную судьбу. Но все оказалось гораздо хуже.

– Я встряла, Сенька. Так встряла, ты бы знала, доча...

– Ир, ну ты чего? Договорились же, потом, – вмешался отец. – Дай Сеньке хоть с дороги оклематься.

– Что потом? Куда встряла? Что у вас происходит?! – испугалась я. Зачем-то заглянула в комнату, где тоже все было по-прежнему. Стенка, диван, который мы вместе с мамой купили в прошлый мой приезд. Накрытый к моему возвращению стол. Мама явно старалась. Да и пахло от нее какой-то едой, и этот аромат не перебивал даже парфюм, который я привезла ей в подарок из Эмиратов. Вроде все было по-прежнему. И только ее надсадное дыхание за спиной, при помощи которого мама, видимо, пыталась обуздать накатывающую истерику, буквально кричало об обратном. Я зябко натянула рукава на пальцы и обернулась:

– Мам...

– В отношении меня хотят возбудить уголовное дело.

Я как стояла, так и осела на стул.

– А за что? – хлопнула глазами.

– За деньги, выделенные на ремонт школы-ы-ы.

Моя мать была директором школы, да, но, один черт, я ничего не понимала. Уличить мою маму в воровстве мог только тот, кто ее совершенно не знал. Да и если бы она подворовывала, вряд ли бы наша семья до сих пор жила в квартире, в которой я родилась. Какого черта? Уголовное дело!

– Погоди, мам. Ну что за глупости? Наверное, кому-то просто надо выслужиться, но если повода нет...

– В том-то и дело, что есть. Деньги попилили департамент с подрядчиком, а как пригорело, так нашли крайнюю, – мама тихо заплакала. – Да знала б я, что так будет, лучше бы, как все, к Вершинину пошла на поклон! Он всем в крае помогает. К нему с любой бедой идут. Что бы он, мне школу не отремонтировал? Поди, не стал бы из-за тебя злопамятничать.

– Из-за меня? – открыла я рот.

– Ты же его отшила.

Ну... Да. Наверное, так можно сказать. Но, боже, где я, а где он? Подумаешь, какая-то соплячка не оценила подката аж целого олигарха. А подкат был красив, да. Букет метровых роз, который весил как половина меня, мерседес с водителем, приглашение на ужин. Если учесть еще и то, что это именно благодаря спонсорской помощи Вершинина я начала танцевать сначала здесь, а потом и поступила в столицу, мой отказ выглядел вообще хуже некуда. Но это я теперь поняла, а тогда... Он подошел ко мне на гастролях в Японии. Все чинно-благородно, ничего лишнего. Настоящий, блин, джентльмен, престарелый только. Ну, сколько ему было? Лет тридцать пять – сорок? Ладно, дело вообще не в этом! А в том, что я почему-то жутко растерялась, увидев его в Японии, хотя сколько там до нее от нашего острова? В погожий день берег видно. В общем, он подошел, взрослый такой, лощеный, а я... Да дурой я была, что и говорить! Вершинин давно поменялся и внутри, и внешне, а я, запомнив его эском с фиксой во рту и портками на пальцах, то есть совершенно недостойным такой цацы, как я, проблеяла что-то невнятное и упорхнула к своим. Балетные это все срисовали и начали меня пытаться, что да как. Ну, я и выдавала, смеясь, какую-то обидную ерунду, сейчас уже даже не вспомню, какую

именно. А Вершинин ее, наверное, услышал. И дожидаться меня не стал, а потом исчез, я ни на одном своем спектакле его больше не видела. Хотя до этого он регулярно их посещал, да, и цветы слал с курьером. Как ему это удавалось, я совершенно не понимала, учитывая то, кем он был. А о том, зачем ему это было нужно, я вообще старалась не думать.

Возвращая меня в реальность, отец резко отодвинул гардину и вышел на балкон покурить. Видно было, что он тоже очень волновался.

– Мам, а ты обращалась к адвокату?

– Ой, да чем он мне поможет, Сень? Ты же знаешь, как все происходит. У нас не судят, а назначают крайними. Меня уже назна-а-ачили. Стыд какой. Что родители скажут, а дети? Это ж, наверное, и в газете напечатают.

– Ага. И по телевизору покажут, – взъерилась я, а мама опять тихо заплакала. – Ну, перестань. Слезами делу не поможешь. Надо думать, как из этого выкрутиться.

– Бесплезно. Здесь только Вершинин мог бы помочь, но... – мама пожала плечами. – Давайте есть.

А я ведь и так на стуле сидела, поэтому просто пододвинулась ближе, когда мама уселась рядом и стала накладывать мне котлетки из нежнейшего краба. Вершинин мог помочь, да. Он здесь все может. Другое дело, что я трусила к нему обращаться, ведь после всего мало ли чего он мог захотеть в благодарность за свою помощь? Точнее, я как раз таки догадывалась, чего он захочет. И потому трусила до последнего, но потом, когда поникший отец вернулся, все-таки решительно достала из кармана телефон и открыла телефонную книгу. Помню, вместе с очередным букетом Артур Станиславович прислал мне и карточку со своим номером. Он велел мне не стесняться звонить, если вдруг что, и я, точно зная, что никогда этого не сделаю, зачем-то все же вбила его контакт в память телефона. Кто бы мне тогда сказал, зачем он мне пригодится – не поверила бы.

– Да. Я вас слушаю. Говорите.

ГЛАВА 2

Чуть более чем за год до основных событий.

Сводя на нет всю мою решительность, голос в трубке прозвучал жутко требовательно и нетерпеливо.

– Здравствуйте, Артур С-станиславович. Это Есения. Есения Вавилова. Балерина. Вы как-то были у меня на спектакле. Оставили номер. Сказали, что можно звонить, – сбивчиво затараторила я и зачем-то добавила: – Извините, если я что-то не так поняла.

Последовавшая затем пауза выдалась довольно мучительной. Но когда я, сгорая со стыда, хотела было отключиться, Вершинин тихо заметил:

– Минуту потерпит?

– Да, – закивала я, хотя он, конечно, того не видел.

– Повиси. Николай Сергеевич, давайте так. Эти поставки идут как есть, а там только предоплата...

Голос Артура Станиславовича звучал глухо, как будто он прикрыл динамик рукой, но я все равно вполне отчетливо различала, о чем идет речь. Похоже, я прервала производственное совещание. И это было так же странно, как и волнительно. Ведь складывалось ощущение, что мои проблемы (а иначе, зачем бы я еще стала ему звонить?) для Вершинина были даже важнее, чем бизнес. Глупость, конечно.

– Так что там? – Вершинин до того резко переключился на разговор со мной, что я не сразу поняла, к кому он обращается. – Есения?

– Ох! Извините. Я отвлеклась, да и, наверное, о таком не говорят по телефону.

– Ты сейчас где?

– Здесь, – выпалила я. – То есть на острове.

– В четыре у меня окно. За тобой заедут. Ты у родителей остановилась?

– Да.

– Отлично. Пообедаем, там все расскажешь. Устроит?

– Конечно! – оживилась я. Обед – это не ужин, правда? – И... спасибо вам.

– Еще не за что. В три часа будь готова.

Я опустила телефон и сделала глубокий вдох. Это оказалось не так-то и страшно. Хотя, конечно, выдохнуть рано. Вполне может так оказаться, что худшее впереди. С одной стороны, я, конечно, волновалась. А с другой – как будто бы даже смирилась. Ведь не было у меня, не было, понимаете, никакого другого выхода.

– Сеня... – мама постучала о дверной косяк костяшками пальцев. – Вы поговорили?

– Ага. Ничего не бойся, ладно?

– Это Артур Станиславович так сказал? – в широко распахнутых глазах мамы мелькнула надежда.

– Нет. Это тебе говорю я. А Вершинин еще ничего не знает. Мы договорились обсудить сложившуюся ситуацию при встрече. Кстати, который час?

– Первый. – Мать растерянно хлопнула глазами.

– Значит, мне уже пора собираться. Ты не против, если я тут немного похозяйничаю?

После того, как я съехала, родители переоборудовали мою детскую под спальню для себя. Учитывая, что они всю жизнь ютились в зале, я могла понять эту поспешность. Единственное, чего мне бы не хотелось, так это чтобы в угаре ремонта отец демонтировал мой станок. Но он не стал его трогать. И я была папе страшно за это благодарна.

– Сенечка...

– Мам, не плачь. Ну что ты!

Мама обняла меня крепко. Поцеловала, как ребенка, в лоб. И затараторила, вглядываясь в лицо:

– Если тебе что-то не понравится, не унижайся и себя не ломай. Поняла?!

Я поняла только то, что моя мать догадывалась, каких жертв от меня может потребовать решение ее проблем. Поняла и вроде бы даже попыталась меня от этого предостеречь. Но вот ведь какая штука... Попытаться-то она попыталась, однако надежда никуда из ее глаз не делась. Ох, мама-мама.

– Мам, ну ты что? Я знаю, что делаю.

На самом деле, конечно, я ни черта не знала! И лишь одно было ясно как белый день – я не могла допустить того, чтобы мою ни в чем не виновную мать судили. Именно этот страх двигал меня к присланной за мной ровно в назначенный час машине. Услужливый водитель открыл дверь. Я юркнула в шикарный салон, осмотрелась и нервно пригладила складки на брюках-палаццо.

– Извините, а куда мы едем?

– В офис Артура Станиславовича.

Вот, значит, как? В офис? А чего я, собственно, ожидала? Это пока я звездой была, Вершинин наворачивал вокруг меня круги и приглашал в рестораны. А сейчас я того, видно, была недостойна. Ну и ладно. Хорошо уже то, что он в принципе нашел время на встречу, а там... Ну что он сделает? Трахнет меня на письменном столе в отместку за то, что я не принимала его ухаживаний? Все может быть. Я нервно поежилась. Поправила ворот застёгнутой наглухо блузки от Валентино, удивляясь тому, что еще утром всерьез верила, будто ничего хуже травмы в моей жизни уже не будет. Наивная чукотская девочка. И всегда ведь такой была...

Во рту пересохло. Я открыла бар, достала бутылку воды и поразилась, как обыденно выгляжу в отражении зеркальной отделки дверцы. По-балетному зализанные и стянутые в низкий узел волосы, черные глаза, сдержанный, даже можно сказать аристократический наряд – так мои ровесницы не одеваются. В общем, все как всегда, да. Волнение выдавали лишь лихорадочно горящие щеки.

– Есения Сергеевна, мы приехали. Я вас провожу.

Шла я как на плаху. Чтобы как-то усмирить волнение, цеплялась взглядом за окружившие меня детали. Вертела головой по сторонам, отмечая, наверное, для кого-то привычную, и совсем незнакомую мне самой офисную жизнь. Снующих туда-сюда людей, стихийное совещание у кофейного аппарата, огромные опенспейсы в стиле лофт. Обилие зелени. Яркие пятна диванов. Запахи – смешение парфюма, кофе, отсыревшей бумаги и сигарет. А еще китайской еды.

– Нам наверх.

Кабинет Вершинина занимал половину верхнего этажа и был таким огромным, что я не сразу заметила хозяина.

– Есения.

– Ох, – обернулась я, с испугу хватаясь за горло, – здравствуйте, Артур Станиславович.

– Можно просто Артур, – пожал тот плечами. – Присядешь?

Только тут я заметила богато накрытый стол. Приборы, серебро, скатерть, вазу с цветами. Либо он так всегда обедал, либо опять же расстарался для меня. Я кивнула, довольно нервно обтерла взмокшие ладони о брюки.

– Извините, что отвлекаю.

– Извини, – поправил Вершинин, отодвигая для меня стул. Из открытого на проветривание окна донесся аромат надвигающейся грозы и его дорогого парфюма. Взгляд замер на свежем порезе, который смотрелся так, будто Вершинин в спешке побрился буквально перед моим приходом. – Кажется, ты любишь итальянскую кухню.

Откуда он знал?

– Да. Спасибо большое.

Вершинин привстал, нависая над столом, чтобы снять серебряную крышку с моей тарелки. Я взглянула на пасту с говядиной (он знал и это, да) и медленно подняла глаза на сидящего напротив мужчину. Кажется, я уже говорила, как сильно он изменился с нашей первой встречи. Сейчас смешно сказать, да, но мне было пять, когда я услышала о нем впервые. Была обычная репетиция в школьном актовом зале, где Дана Родионовна, за неимением лучшего, преподавала ритмику, чтобы потом, в нерабочее время, иметь возможность здесь же по бартеру вести балетный кружок.

– Так, дети, послушайте меня внимательно! Сегодня у нас генеральная репетиция перед выступлением, на которое придут посмотреть очень важные люди. Если им все понравится, у нас будет шанс заручиться поддержкой спонсоров и выйти совсем на другой уровень. Всем понятно?

Это то, что Дана Родионовна озвучила вслух детям. А потом тихонько пробубнила под нос: «Кто бы мог подумать, что вчерашние бандюки будут спонсировать балетный кружок!».

Кто такие бандюки, я даже в пять лет знала. На острове девяностые сильно задержались, а может, вовсе никуда не уходили. И потому, выходя на следующий день на сцену в качестве главной надежды Романовой, я испытывала довольно смешанные чувства. С одной стороны, мне нужно было сосредоточиться на танце, с другой – я не совсем понимала, как это сделать, если взгляд то и дело убегал к странного вида людям, сидящим рядом с Даной Родионовной на школьных стульчиках в первом ряду. В конце концов, не каждый день я могла увидеть всамделишных бандюков – было немного страшновато, но интере-е-есно! В итоге вариации я станцевала так себе, но под конец реабилитировалась в фуэте. Я зафиксировала точку на поблескивающей фиксе во рту главаря, взяла форс и крутила, крутила, крутила, делая что-то совершенно невозможное, как я потом уже поняла, для своего возраста. Я как сейчас помню того Вершинина: стриженного почти под ноль, ужасно неуместного в том зале – ведь где он, а где балет, и вообще...

Этот Вершинин от того отличался кардинально. Хорошая стрижка, ухоженные, без следа наколок, руки. Вместо пиджака, который полагалось носить людям его положения, вполне демократичное поло. Но главное, разговор. Он избавился от бандитских повадок, отточил речь и действительно выглядел скорее хорошо знающим себе цену автократом, чем вчерашним зэком, каким он мне навсегда запомнился.

– Ешь, Есения. А то остынет. Вина?

– Нет, – по привычке отказалась я, но вдруг вспомнив, что мне больше нет нужды ни от чего воздерживаться, передумала: – А вообще давай... те.

Все равно было ужасно неловко разговаривать с ним на ты.

– Мне всего тридцать девять, – усмехнулся Вершинин, словно считывая мои мысли. – У тебя сменился партнер?

– Что?

– Тебе дали хилого партнера? Ты сильно исхудала.

– А... Вы не знаете? – непонятно чему удивляясь, вскинула брови я. В конце концов, ничего удивительного в том, что он вычеркнул меня из своей жизни, не было. Умерла – так умерла. Это было вполне в духе таких сильных личностей, как Вершинин. – Я больше не танцую.

В этом месте что-то в его лице дрогнуло. Или мне так показалось.

– Как это?

– Вот так. Травма.

– Но как же? Разве ничего нельзя сделать? Реабилитация, там, я не знаю... Ты поэтому позвонила?

– А? Нет! Что вы... – отмахнулась я. – Тут вот такая история.

Отложив приборы, я принялась торопливо рассказывать о ситуации, с которой столкнулась мать. Вершинин внимательно слушал, чуть наклонив голову к плечу. Взгляд у него был острый, как скальпель. Пронизывающий до костей. Мне под ним почему-то казалось, что он совершенно не верит в мамину невиновность. И от этого я под конец окончательно разнервничалась.

– Есения, ты, пожалуйста, ешь.

Я послушно стала накручивать макароны на вилку.

– Вы мне не верите...

– Это не имеет значения. Я...

– Я сделаю все что угодно. На все соглашусь, – выпалила, зажмурившись. Сердце как ненормальное колотилось в ушах и горле, страх накатывал. Вершинин был моей последней надеждой. Моей и маминной. Я не могла ее не оправдать, понимаете? Я уже не оправдала ожиданий в профессии, и тут... Тут не могла облажаться. – Пожалуйста, Артур. Помоги.

Взглянуть на него в тот момент я не нашла в себе сил. Но, даже устремив взгляд на стол, было сложно не заметить, что он в ярости – до того сжались его руки на приборах.

– Пожалуйста.

Я больше ничего не смогла из себя выдать. Закончились силы. Он тоже ничего не сказал. Обед продолжался в молчании. Я ела, не чувствуя вкуса, потому что он так велел. Он ел и пил. Пил много, в какой-то момент принес на стол из встроенного в стенку бара бутылку коньяка.

– Артур...

– Поела? Я позвоню Петровичу. Он тебя отвезет, – опираясь распластанной ладонью на стол, Вершинин начал подниматься из-за стола, и тут на меня что-то нашло, не иначе.

– Помогите. Ну что вам стоит? Она ни в чем не виновата! Должно же быть в вас хоть какое-то сочувствие. Вы же сами сидели! А она женщина... Еще молодая совсем. Ваша ровесница почти, – частила я, впиваясь короткими ногтями в его загоревшую почти дочерна руку.

– Езжай домой, Есения. Все будет хорошо.

Спокойный тон ему давался не без труда, но это я уже потом поняла, когда собственная истерика схлынула.

– Но...

Вершинин осторожно разжал мои пальцы и, приложив трубку к уху, отошел к панорамному окну, из которого открывался отличный вид на вулкан. Я смотрела на его широкие гордо расправленные плечи, я вслушивалась в слова (он велел водителю отвезти меня, куда скажу) и захлебывалась ужасом, совершенно не сравнимым с тем, что меня охватывал, когда я думала о счете, который он мог бы мне предъявить.

– Семен, проводи мою гостью к машине.

– Артур Станиславович! Артур, но...

– Все будет хорошо, Есения. Я же сказал. Сейчас мне нужно поработать.

Мне хотелось заорать – какое, мать его, хорошо?! Но я лишь всхлипнула обреченно и пошла вслед за вершининским помощником. И слава богу, что по балетной привычке шла с гордо выпрямленной спиной, и вздрогнула лишь однажды, когда в закрывшуюся за мной дверь прилетело что-то тяжелое и разбилось.

ГЛАВА 3

Чуть более чем за год до основных событий.

А потом грянул гром...

Я изо всех сил вцепился в дубовую столешницу стола, чтобы не побежать за ней следом. Процедил воздух сквозь зубы, опустил взгляд и к херам разгромил все, что на нем стояло. На пол посыпались бокалы и тарелки. Ваза разбилась. Трупы цветов со сломанными хребтами разметало по паркету.

– Охренеть. И что я пропустил? – присвистнул, влетая кабанчиком в кабинет, мой друг и правая рука.

– Ничего.

– Да? – ухмыльнулся Слава. – А я, кажись, твою фифу видел. Ты че, Верх, опять по ней угораешь? Вроде же отпустило?

– Отъебись, – обрубил я, отворачиваясь к окну. Тайфун, которым нас пугали весь день, видно, таки случился. Ветер налетел с новой силой, бросил в окно дождь, захлестал с таким отчаянием, что казалось, стекло не выдержит и оплавится. Снаружи разыгралась страшная непогода. И что-то такое же страшное для меня самого, для Есении... разгулялось внутри. То, что я в себе который год давил! Давил, понимая, как неправильно будет взять ее только потому, что могу себе это позволить.

Ч-черт. Это ж надо было так вляпаться в эту девочку... Кто бы мне сказал, когда мы с ней в первый раз встретились, что все будет так? А я тот вечер помню, как будто это было вчера. Стоит зажмуриться, и перед глазами встанут события семнадцатилетней давности:

– Может, ну его, а? Бабла отлистаем, и в путь. Ну, на кой мне эта самодеятельность? – ныл я, с тоской пялясь на вывеску школы.

– Слушай, Верх, я не пойму. Ты же хотел, чтобы тебя все зауважали на острове?

Я почесал в затылке. Было дело, как-то ляпнул Славке по пьяной лавочке, как меня задолбали косые взгляды и шепотки за спиной. Дескать, чой-то я, приличный человек (ну почти), должен отвечать за грехи родителей? Сам я отсидел по малолетке, конечно, но выйдя, точно для себя решил, что обратно не хочу, и крепко взялся за ум. Начал гонять тачки из Японии – у Славки там были подвязки. Получалось нормально. К двадцати открыл первую СТОшку... И по всему ж выходило, что я стал приличным бизнесменом, радуйтесь, земляки, но какой там? На мне же с рождения поставили крест. А что? Семейка у меня была еще та. Дед тридцать лет по лагерям, отец не лучше. Да и с матерью не повезло. Бухала крепко... В общем, нормальное такое детство. Не у меня одного такое. Вот и ждал народ, когда уж я скачусь по наклонной, как обычно в таких случаях и бывало. А поскольку городок у нас маленький, кроме меня да моих делишек и говорить особенно было не о чем. Все время ведь на виду. Чуть какой шухер в городе – менты ко мне едут. Жизни мне не давали, суки. В СТОшки участковый вообще как на работу ходил – думал, мы там краденые тачки разбираем на запчасти. И пусть это ни разу не подтвердилось – мы были всегда под подозрением. Бесило – мама не горюй. Вот тогда Славка и выдал:

– Надо тебе, Верх, имидж менять.

– А?

– Имидж. Ты в курсе, что это такое?

– Допустим.

– Ну вот. А для этого что?

– Что?

– Добрые дела надо делать.

– Предлагаешь заняться благотворительностью?

Именно это Славка и предлагал. Следующие пару недель мы обмозговывали, что да как. Деньги-то мы поднимали уже хорошие, но это по меркам двух пацанов, выросших в неблагополучных семьях, никаких сверхприбылей. К тому же тогда еще не было никаких фондов, да и кто бы узнал о том, какие мы молодцы, перечисли я деньги в фонд? Так что пришлось искать другие варианты. Более наглядные, так сказать, для народа. И тут этот балетный кружок подвернулся...

– Ну и какой смысл?

– А такой! У детишек родители имеются. Да они за помощь малым тебя на руках носить будут, а там сарафанное радио подключится. Ну и... – Славка с намеком повел бровью.

– А че им надо-то?

– Откуда мне знать? Поговори с теткой, которая всем там заправляет.

Оказалось, надо было не так уж и много. Помещение под балетную студию Романова уже выбила в муниципалитете. От нас нужны были деньги на ремонт, ну и материальная помощь, когда мелких начнут выдвигать на конкурсы.

И вот стоял я, значит, перед школой, где специально для меня (ёлы палы!) организовали аж целый концерт. И честно, до последнего хотел слиться. Стремно было – капец. Может быть, и ушел бы, если бы Романова не перехватила нас со Славиком на пороге. А потом уж че? Деваться некуда. Сидел, чувствуя себя придурком последним, и не знал, что мне с этим делать – плакать или смеяться, а потому делал вид, что мне жуть как интересно. Детишки старались, пыхтели, прыгали, гнулись во все стороны, как я понял, это был целый спектакль. Первый в моей жизни, ага. Что это все имеет какой-то смысл, до меня дошло, когда на сцену вынесли корону из фольги и водрузили пацану на голову.

– Это че? – шепнул Славка.

– Похоже, его коронуют.

– И не запахло им не сидевшего короновать? – озадачился друг. В этом месте я чуть было не заржал. Что с нас было взять? Считай, сами дети, хотя рано повзрослевшие, и даже уже чего-то добившиеся в этой жизни. Но тут меня окликнула Романова:

– Это Есения. Очень-очень талантливая девочка. Если не упустит свой шанс, будет прима-балериной вспоминать вас добрым словом в интервью.

Я пригляделся. Девчонка – мельче других, но дерзкая такая. Уже в пять гребаных лет вся из себя, ага... И ведь это было не нарочито, не спецом вовсе. Просто так бывает. Этого не воспитать, с этим женщина может только родиться. Глядел на нее, и улыбаться хотелось. Смешная такая мелюзга. Но как по-царски держалась! Уже тогда было видно, что вырастет она мужикам на погибель. Я только не догадывался, что меня это тоже коснется. Она была просто ребенком, о котором я вспоминал, лишь когда нас приглашали на ежегодные отчетные концерты. Бабло-то я на обустройство студии не пожалел. И это, кстати, правда что-то изменило в отношении ко мне со стороны местной публики. Я и сам не понял, в какой момент наши аборигены потянулись ко мне со всеми своими проблемами. Опомился лет через десять, когда на мне весь край уже висел... И почему-то мне это было не в запахло. Потому как денег зарабатывал уже запредельно много. Надо же было их куда-то девать. Да с пользой, а не на загулы и девок. Ну, и приятно было, чего скрывать – ездить по дорогам, которые сам построил, обходить предприятия, где организовал тысячи рабочих мест, объезжать заповедники, где не без моей помощи с успехом спасали краснокнижные виды... Меня уважали. И я сам себя уважал. До поры до времени.

А потом в крае (опять же не без моей помощи) построили театр – филиал столичного. И были гастроли. Дана Родионовна, с которой я все это время поддерживал отношения, прислала мне пригласительные.

– Это Сенечка организовала. Помните? Вы ей место в академии балета оплатили.

– Беленькая такая? Крутит эти, как его...

– Фуэте, – закатила глаза Романова. – Да, она. Ее же в театр пригласили.

– Прима-балериной?

– Ну что вы, Артур Станиславович! – Ага, я как подниматься начал, так меня сразу по имени-отчеству стали звать. Солидно. – Сразу после академии – дай бог, в кордебалет возьмут. Правда, Сенечке сразу выделили педагога – это дорогого стоит. А теперь она уже только соль-ные партии танцует. Даже в двойки не ставят. И это в неполные девятнадцать!

Половину из сказанного я, конечно, не понял. Но гордость в голосе Романовой уловил. Значит, все у черноглазой девчонки складывалось как надо. Мои семена и тут давали всходы. Хорошо.

– Так вы пойдете, Артур Станиславович? Такое мероприятие!

– Только если вы составите мне компанию.

– Да это – всегда пожалуйста!

К тому моменту я уже имел самолет. На нем и летели. Работая с документами, я то и дело ловил на себе заинтересованные взгляды Даночки. В конце концов, не выдержал:

– Что?

– Да ничего, Артур Станиславович. Люблю, знаете, когда мои ожидания оправдываются. Я отложил планшет, сосредотачиваясь на разговоре:

– Вы сейчас про эту девочку? Есению, кажется?

Забыл... Правда забыл уже ее имя.

– Нет. Я про тебя. Хороший из тебя мужик вырос. Правильный.

Конечно, я знал, что обо мне говорят местные, знал, что уважают. Но вот так в глаза... Да, от такой дамы, как Романова, было приятно.

– Спасибо.

– Народ побаивается, что вас от нас заберут в столицу.

– С чего бы это? – удивился я.

– Такие люди там всегда нужнее.

– Да бросьте. Я никуда не собираюсь. Мне и здесь хорошо. Кстати, как насчет шампанского?

– По случаю премьеры? Я только за. Главное, не забыть купить цветы.

Это был первый настоящий спектакль в моей жизни. Вообще первый поход в театр. Уже заматеревший, я, как тогда, в школьном актовом зале, очумело вертел головой... Сидели в одной из лож с довольно неплохим видом на сцену. И, конечно, я не поскупился, когда покупал цветы. В конце концов, выступала землячка! Я с интересом всматривался в толпу балерин в пачках – угадаю, нет, где та девчонка?

– Ну что, она уже вышла?

– Нет. Когда Сеня появится – вы сами поймете.

Я засомневался, все они мне на одно лицо казались, но... Когда Есения вышла, я правда понял. Все понял. Смотрел, не отрываясь, так что начали слезиться глаза. Как и тогда в актовом зале, она была на голову выше других. И даже в крохотной сольной партии Сеня умудрялась перетаскать на себя все внимание зала и удерживать его до конца. Солистам и то не хлопали так горячо, как Есении. У гримерки, куда меня провела Романова, волновался, как пацан. Сам себе не мог этого объяснить. А потом Есения выпорхнула к нам навстречу, подняла черные глаза и... все. Я потом еще долго притворялся. Делал вид, что есть и другие... Но это была ложь. С той самой встречи была только она. Все эти, мать его, годы.

– Эх, Верх! Нормальная же была жратва... – сокрушался за спиной Славик, возвращая меня в реальность.

– Что на лесопилке?

– Да что. Скоты ТБ нарушили! Вот скажи, мы на хера каждый божий день инструктаж проводим? Журналы все эти ведем, а?

– Ценность нашего трудового коллектива в том, что из него невозможна утечка мозгов, – рыкнул я. – Куда начальник участка смотрел? Как дети, блядь. Молочникова – на ковер. Выговор и лишение премии до конца года. И это, Слав, там против директора восемнадцатой школы какая-то нездоровая движуха...

– Директор – это мать твоей зазнобы, надо понимать? А как же Катерина?

Я обернулся и, напрочь проигнорировав последний вопрос, повторил с нажимом:

– Так вот разберись, что там происходит. И сделай так, чтобы от нее отстали.

– И долго ты еще будешь за этой мелочью расхлебывать дерьмо?

– Какое – расхлебывать, Слав? Она меня в первый раз о чем-то попросила! – возмутился я.

– Точно. До этого за нее Дана Родионовна клянчила. То деньги под конкурс дать, то на костюмы, то учебу в академии для бедной девочки оплатить. А так-то, конечно, она ничего не просила. А теперь снизошла, и ты на радостях поплыл, а, Верх?

– Это мое дело.

– Она тобой манипулирует.

– Если тобой никто не манипулирует, это означает лишь то, что на самом деле за тебя взялись профессионалы.

Славка заржал. Упал на диван, ударил по ляжкам:

– Во у нас житуха, а? Весело. Мне вот знаешь что интересно? За что бабы мужиков любили, когда денег еще не было?

Я промолчал. Опрокинул в рот еще рюмку коньяка. Жизнь у нас и впрямь была веселая. Нажраться, и то времени не было. А хотелось. Потому что Есенин плевать было на мои деньги. Пришла, только когда мать прижало. Стала себя предлагать... И оттого вдвойне было тошно. Неужели она думала, я настолько жалок, что приму такую подачку? Интересного же она обо мне мнения. И это после всего, что я... Нет, не сделал, тут я счета не веду, и своими делами добрыми никого постфактум попрекать не собираюсь. Я же от души. И помогал ей, и потом, когда девочка выросла... ухаживал. Может, не очень у меня выходило, почему-то в ее обществе у меня напрочь отнимало речь. И я превращался в идиота, который не мог и двух слов связать. При том, что я учился ораторскому мастерству, да и в принципе много чему учился, восполняя недополученные в свое время знания. Так вот я с душой, да. Я, блядь, кожей наружу, а ей все как будто игра. И ведь даже обидеться на нее не получается. Потому что... ну мелкая она. Откуда ей знать, как оно все внутри кипит? Каким она краем ходит...

– Верх, ну ты че скис? Нормально ж все уже было. Катерина вон... Нормальная же баба.

– Слав, ты услышал? – прикрыл я глаза. – Порешай с директором.

ГЛАВА 4

Чуть более чем за год до основных событий.

– Ну как все прошло? Что он сказал, Сенька? На тебе лица нет! Еще и тайфун таки до нас добрался. Как вы доехали? Нас, наверное, опять затопит, и всем будет плевать.

Мама нервничала. Ее сбивчивая речь была тому наглядным подтверждением. Успокаивающе погладив заплوشенную по руке, я прошла в комнату. Уселась на разложенный и застеленный к моему возвращению диван.

– Ир, ну что ты опять на нее с порога налетела? – вмешался отец, возвращаясь с балкона после очередного перекура.

– Все нормально, пап, – успокоила я обоих. – Маму можно понять. Я вообще не представляю, как вы умом не тронулись в таких обстоятельствах.

Я устало потерла глаза. Хорошо, свет не включали. Смотреть друг на друга было до смешного неловко. Каждый чувствовал вину и стыд. Мама – за то, что это мы из-за нее попали в такую страшную ситуацию, отец переживал, что не смог нас защитить, как в его представлении должен был поступить любой уважающий себя мужчина, а я... За то, что попыталась, и не факт, что смогла.

– Хреново, Сенька. Хреново мы справляемся. – Мама подошла к окну, как раз когда комната озарилась яркой вспышкой молнии.

– Раз, два, три... – начала считать я, как в детстве, и тут загрохотало – мощно, раскатисто. И заискрило где-то.

– Провода оборвало, – тихо заметил папа. – Фонарь или свечи?

– Мне все равно. Я спать.

– Нельзя, Сень. Лучше с первого дня жить по новому времени. Так легче справиться с джетлагом.

– Я знаю, мамуль. Но ты бы знала, как чудовищно я устала, – пожаловалась опустившейся рядом со мной на диван маме, склоняя голову ей на плечо.

– Он тебя обидел?

– Нет. Что ты. Он меня накормил.

– И? Ну, что ты томишь меня, Сенька? – потеряла терпение мама. Смотреть на нее такую – дерганную, испуганную, отчаявшуюся – было совершенно невыносимо.

– Я не знаю, мам. Он сказал, что все будет нормально, но подробностей не объяснил.

Ну не говорить же ей, что под занавес разговора я умудрилась Вершинина разозлить? Она спросит, что я сказала, а я же вроде ничего такого...

– Тут ходят разговоры, что он жениться надумал.

Что-то екнуло в груди, сердце, запнувшись, замерло и застучало вновь, подхватив ритм бьющейся в окно непогоды.

– Ну и что? Главное, чтобы в предсвадебных хлопотах он не забыл о нас.

Я говорила с уверенностью, которой совершенно не испытывала. Говорила просто потому, что мне нужно было верить во что-то хорошее. Иначе... А что иначе? Суд? Надо хоть посмотреть, какой матери грозил срок. Но сначала мне и впрямь не мешало бы выспаться. Почему-то, несмотря на все тревоги, казалось, что здесь я усну нормально. Без таблеток, расслабляющих ванн и обязательной медитации на ночь.

– Мамуль, я засыпаю.

И ведь отрубилась в момент, сразу же. Не слыша, как вернулся отец, их с матерью шепотков на кухне, а проснулась, когда зазвонил телефон.

– Алло, – прохрипела в трубку.

– Нет, я ее жду, понимаешь ли, а она спит! – возмутилась Даночка.

– Ждете?

– Да, мы же условились, что ты забежишь на чай. Или забыла?

Точно. Что-то такое было. Пришлось соскребать себя с дивана, попросив у Романовой полчаса. Жили мы в соседних подъездах, но ведь еще нужно было собраться.

Стоило чуть-чуть прийти в себя после сна, вернулась хандра. За ночь тайфун потерял силу, но грозные тучи все равно нависали над островом как немые пророчества неприятностей, а ветер рвал океан на части, и волны походили на мою жизнь: вверх – вниз, вверх – вниз.

– Сень, давай за стол.

– Нет, мам, меня на завтрак ждет Даночка. – сообщила я, с растерянностью глядя на распахнутый чемодан. Романова свято верила, что женщина должна выглядеть на все сто всегда.

– Каждый раз, когда ты одеваешься, помни то, – говорила она то ли в шутку, то ли всерьез, – что если ты умрешь, это будет вечный наряд твоего призрака.

Жуть, правда? Но это работало. И только сейчас не было ни сил, не настроения наряжаться. Да и смерть, признаться, меня с каждым днем страшила все меньше.

В конце концов, я надела удобные брюки, которые не нужно было гладить, рубашку и невесомый тонкий пуховичок. И не зря. Ветер пробирал до костей, скалился мне в лицо... Казалось, весь остров, подобно скулящей жертве, был во власти этого безжалостного ненастья.

Даночка встречала меня, как и всегда, при параде.

– Уф, ну и холодрыга!

– Что ты хотела? Конец апреля. Потеплеет. Проходи. Я как раз заварила изумительный улун.

В уютной кухоньке Даны Родионовны все было по-прежнему. Красивые чайные пары на вывязанной крючком скатерти, салфетки, антикварный китайский заварник. Фиалки в горшочках на подоконниках. Резной буфет, из которого она достала вазочку с кизилковым конфи-тюром.

– Ну, что ты молчишь? Что молчишь?! Давай, рассказывай!

– Да что рассказывать? Вы все знаете, если только... Дана Родионовна, я такого наделала вчера! Вы еще не в курсе, что у мамы неприятности?

– Нет, – небрежно взмахнула рукой. – Я же теперь тут совсем редко бываю.

– Да? – удивилась я.

– Эх, Сенька, я ж уже два года в театре работаю, а ты и не знаешь.

– Как? Вы же отказались!

– Ну, это поначалу. Потому что куда мне было своих детей деть? А потом я нашла толковых помощников в балетную студию, подготовила их, ну и... – повела плечиком, – согласилась. Сама понимаешь – это совершенно другой уровень.

– Еще бы!

Господи, почему она никогда мне об этом не рассказывала? Наверное, потому что я не интересовалась? Звонила все реже, пока все было хорошо, и больше своими успехами делилась, думая, что ей, как моему первому педагогу, это будет приятно слышать. И мысли не было, что это, в общем-то, довольно эгоистично.

– Так что там с Ирой?

И я рассказала. Все, что знала сама. Ну и, конечно, про мою поездку к Вершинину, потому как знала, что они с Даночкой поддерживают связь. Было стыдно до ужаса упасть в ее глаза, но уж лучше пусть она от меня узнает.

– Дура, – как всегда коротко и хлестко резюмировала Романова. Я только вздохнула и перевела взгляд за окно. Жила Даночка на последнем этаже. И вид здесь был не в пример лучше, чем открывался из нашей квартиры. Даже маяк при желании можно было разглядеть, но в основном – рыбацкие лодки, ведущие за возвращение домой нешуточную борьбу со стихией, которая норовила их утащить в бездонное подводное царство.

– Стыдно так. Предложила себя, как дешёвка. Что он обо мне подумает теперь... – присела я, ведя пальцем по краю чашки.

– Не того стыдишься, Есения!

Но я, как будто не слыша Даночки, продолжала:

– Никогда не думала, что смогу на это пойти. Ведь предлагали. И за роли, и за... – вздохнула, – ну, вы знаете, как это бывает.

– Да уж кому об этом знать, как не мне. Но говорю же – ты не о том думаешь! Ни один человек не знает степени своей моральной стойкости, пока на его долю не выпадет какого-нибудь страшного испытания. Миллионы людей по всему миру пользуются уважением лишь потому, что никогда не были поставлены на край пропасти. Судьба их берегла.

– Исходя из такой логики, края я достигла, когда надо мной нависла угроза выдворения из театра.

– Как видишь, нет. Благополучие родных оказалось для тебя важнее. Или просто этот случай стал последней каплей. Этого тоже нельзя исключать. Тут твоей вины нет.

– А где есть?

– В ситуации с Артуром, конечно. Какого черта тебе взбрело в голову ему себя вот так предлагать?!

– А что мне было делать?!

– Просто попросить, Сеня. Он бы никогда не смог тебе отказать, ты что? Своим же предложением ты просто... – Даночка резко взмахнула рукой и, вздохнув, взялась подлить нам чаю. – Он же к тебе со всей душой.

– Думаете, я все испортила?

– Смотря о чем ты. Матери твоей он поможет, а вот в остальном... Он сколько на твой светлый лик облизывался? Года четыре? Ну, да... С твоих восемнадцати.

– Да в прошлом это, – неуверенно возразила я, – он женится, мама сказала.

– Может, и так. Синица в руках, знаешь ли.

– И ладно. Так даже лучше. Неудобно, да... Но что уж? Мы теперь вряд ли где пересечемся. Как-нибудь переживу. А если маме поможет, буду всю жизнь ему благодарна.

– Поможет, даже не сомневайся. А что касается «вряд ли где», ты что, всерьез решила уйти из профессии из-за одной малюсенькой травмы?

– Не такая уж она малюсенькая! – возмутилась я.

– Так, – хлопнула рукой по столу Дана Родионовна. – Пойдем.

– Куда? Там погода какая!

– Ничего, не сахарные, не растаем. Тут до студии всего пара кварталов. Хочу своими глазами увидеть, так ли все плохо, как ты ноешь.

– Я не ною!

– Тогда тем более. Иди за рюкзаком, пока я тут приберусь. Встретимся у подъезда.

Я мотнулась домой – родители уже разъехались по своим работам, и объясняться с ними не пришлось, собрала вещи, как на обычный класс, и слетела вниз. После разговора с Романовой мне стало гораздо легче. И в этом мое настроение недвусмысленно перекликалось с погодой. Мне было понятно ее стремление излить и выпустить из себя все то, что скопилось.

– Разогревайся, и сразу за станок.

Ну вот, как будто мне снова десять.

Я потянулась, села в поперечный шпагат и так подула в пуанту, разогревая кожу, чтобы туфля села ровно по ноге. Привычные, давно отточенные действия успокаивали. И даже порванная связка ощущалась вполне ничего. Правда, для обычного человека, а вот для балерины... М-да. Но как-то справлюсь. Час на станке. Час в серединке.

– Батман тандю с плие.

– Детский сад, – пробурчала себе под нос.

– Давай-давай. Потом под адажио медленное поднятие ног. В конце прыжки.

К прыжкам я уже ушаталась так, что ничего хорошего и близко не показала. Это бесило, а еще чертов плеер. В театре на классе нам подыгрывали вживую. И если что-то не получалось, мелодия начиналась ровно с нужного места, не то что сейчас.

– Как-то так, – просипела я, согнувшись в три погибели и упершись ладонями в трясущиеся колени. В форме я не была, хотя и пыталась ее поддерживать. Но операция и последующая реабилитация, чтоб ее, сделали свое дело.

– Кисточки великолепны! Вот что значит – правильно поставили. Над стопочками еще поработаем. Ты пока осторожничаешь, оно и понятно. Ну и в общем, конечно, потрудиться придется.

Кисточками балетные называли кисти рук. Стопочками – стопы. В детстве это страшно меня сместило. А сейчас... сейчас было грустно. Потому как я же понимала, как все плохо было. Романова меня просто щадила.

– Зачем, если для меня все закрыто?

– Там? Ну и черт с ним! Что тебе мешает танцевать здесь? Зажралась? Слишком мелко? – сощурилась Даночка.

Стыд обжег щеки. Потому что я, наверное, действительно зажралась. Руки-ноги у меня были на месте. Форму при желании можно было восстановить. А вот чего у меня не было совершенно – так это мотивации.

– Разве не вы учили меня мечтать по-крупному? Разве не вы говорили, как важно стать лучшей? – задыхаясь, спросила я.

– Так и будь! Боже, Сеня, сейчас век интернета! Ты здесь дай жару, а где надо узнают. И позовут куда надо тоже. Да хоть в Париж! Они за карантин так подтянули уровень труппы, что у меня челюсть отвисла, когда я их фирменный проход увидела. Ты, кстати, смотрела?

Я покачала головой. Слишком больно это было.

– Совсем от рук отбилась! – резюмировала Романова. – Но это ничего. У меня как раз месяц отпуска, наворачиваем. С Ефимовым я насчет тебя поговорю – оторвет с руками и ногами – увидишь. А там, может, с нового сезона сразу дадут учить какие-то партии.

Это звучало как план. Хоть какой-то...

– Тогда надо будет переезжать на материк. А мне там жить негде.

– Ничего. Снимешь квартиру. Или ты собиралась у мамочки под крылышком до конца дней жиреть? Кстати! Тебе надо наладить питание.

– Вы уж определитесь, – хмыкнула я.

– Дурное дело – не хитрое, – отбрила Дана Родионовна.

И ничего она не понимала. Меня, напротив, угнетала необходимость жить с родителями. Я ведь отвыкла за столько лет. Сначала в интернате, потом на съемной с девочками. Одно дело приезжать в гости, когда точно знаешь, что вернешься обратно, другое дело вот так – с чемоданами. Так что, вернувшись от Даны домой, я даже начала гуглить квартиры на материке. Глупо, конечно. Меня могли и не взять. Я ведь даже не спросила у Даночки, почему она была так уверена в обратном. Ведь вполне могло оказаться так, что ее фантазии и планы на меня не имели ничего общего с действительностью. И тогда все эти поиски – только лишняя суета. В общем, я опять себя накрутила – непонятно, до чего бы еще дошла в своих страданиях, если бы мне не позвонили.

– Есения Сергеевна?

– Да. Это я... – нахмурилась, почему-то решив, что это очередные телефонные мошенники.

– Я секретарь Льва Константиновича Ефимова. Он хотел бы с вами переговорить. Вам будет удобно встретиться в понедельник, скажем, в три часа дня?

Конечно, я согласилась. Пусть местный театр. Пусть... Хоть что-то. Хоть как-то. Пришла пора брать себя в руки.

ГЛАВА 5

Чуть более чем за год до основных событий.

Ну и понеслось... На материк летели вместе с Даночкой. Ощущала себя так, будто мне снова девять, а впереди – очередной конкурс. Она врала, что у нее какие-то дела, но мне в это с большим трудом верилось. Для Романовой я была не просто любимой ученицей, а воплощением собственной несбывшейся мечты, вот почему она мне во всем помогала и так остро переживала мою неудачу.

В приемной худрука нас огорошили – будет смотр. Я, конечно же, запаниковала. Какой смотр? У меня толчковая нога травмирована! Ни прыжков нормальных, ни вращений. Ну, то есть, конечно, из себя что-то можно выжать, но...

– Тщ-щ-щ, Сеня. Отставить панику. Все понимают, что форму тебе придется возвращать.

– Тогда зачем это все? – злилась я.

– Наверное, хотят посмотреть, насколько все плохо. Но оно не плохо. Ты с каждым днем прибавляешь мастерства. Уж я-то знаю.

Даночка врала. Пока это было очень далеко от моих прежних возможностей, но как же меня поддерживали ее слова!

– Спасибо, – растрогалась я и заморгала часто-часто, чтобы не зареветь.

– Помни, что танец – это не мышцы и связки. Это твое сердце и дух.

Я покивала, хотя могла возразить, что прямо сейчас моя задача – показать не танец, а технику. И это совсем другое. Но я не стала, сосредоточившись на вариациях, которые Романова рекомендовала мне станцевать. Разогрелась, немного порепетировали. Хоть нам и выделили отдельный зал, любопытных взглядов избежать не удалось. Особенно один парень пялился.

– Не помнишь Руслана?

– Нет.

– Он у меня начинал. На три года старше тебя. Потом поступил в училище, и вот там я прямо не знаю, что за, с позволения сказать, педагоги ему попались – сбили мальчику ось. Ну и, закономерно, он поломался.

– Значит, мы с ним коллеги по несчастью?

– Вроде того. Может, даже вместе будете заниматься.

– Да?

– Угу. У Русланчика отпуск. Он просил меня с ним поработать. Ой, Сень, там Ефимов. Ты только не волнуйся, ага? И давай, как мы договаривались.

Танцевала, как будто в тумане. Ничего потом вспомнить не смогла. Оценить... Аплодировать мне, конечно, никто не стал. Хвалить тоже. Да и за что хвалить, мамочки? Зато мне обещали повторный смотр через месяц, и уж если там я продемонстрирую прогресс, взять в труппу. Так и сказали, да... Возьмем!

– Ну что, моя хорошая, дуй в душ, а потом – как насчет ресторана? Я считаю, это надо отпраздновать!

– Разве у нас есть повод? – засомневалась я.

– Тебе контракт на ознакомление скинули?

– Вроде бы.

– Ну, так что еще тебе нужно?

– Обсудить репертуар, – растерялась я.

– О господи. Я же уже говорила, да, что ты зажралась?

– Было такое. Да.

– Ну, вот и возвращайся с небес на землю. Никто не собирается тебя ставить в кордебалет, – закатила глаза Романова. – Левка не дурак. Поди, уже помчал свечку в церковь ставить за то, что в его трупке появился такой бриллиант, как ты.

– Разве он не еврей? Какая церковь, Дана Родионовна? – наконец, улыбнулась я.

– Не паясничай. Давай, дуй в душ. Я закажу нам столик.

За собственными переживаниями и хлопотами я на какое-то время и думать забыла о проблемах матери. Даже стыд, преследующий меня после разговора с Вершининым, отошел на второй план. Вот почему у меня едва ли сердце не оборвалось, когда я, уже устроившись за столиком в ресторане, достала телефон и увидела два пропущенных от мамы.

– Мам?

– Сеня! Ну, наконец-то! Я уже начала переживать. Как ты?

– Хорошо, наверное, а у тебя как дела? – просипела я, затаив дыхание, и подняла взгляд на Даночку, в свою очередь настороженно глядящую на меня.

– Я пока не поняла, Сень. Сiju третий час в полнейшем шоке.

– Что случилось? – похолодела.

– Ко мне пришел следователь и извинился! Представляешь? Так удивительно было видеть, как человек, который меня изводил и запугивал, извивался ужом.

– Значит, все позади? – сощурилась я. Романова ободряюще сжала мою руку.

– Да! Господи, поверить не могу. Ох, Сенька, от облегчения ноги как будто ватные, встать нет сил. А у меня педсовет через полчаса, – сквозь слезы рассмеялась мама.

– Ничего, мамуль, у тебя все получится. Я в тебя верю.

– Спасибо, Сенька, спасибо, родная! Но что мы все про меня? Как твоя поездка?

– Да ничего. Меня вроде бы взять обещали.

– Так это же отлично! Ты папе не звонила? Нет? Обязательно позвони. Он страшно переживает.

– Позвоню, конечно. Ты-то сама ему рассказала новости?

– Первым делом ему. А как же?

– И что папа?

– Ну, а ты как думаешь? – засмеялась опять, – Обещает праздник устроить. Хотел даже Вершинина пригласить, представляешь. Но я его остановила. Потому что... Ну где он, а где мы, правда? Как-то неловко.

– Да, наверное.

– Но поблагодарить его все же стоит. Может, ты бы ему позвонила, Сень?

– Конечно, – проямлила я. – Прямо сейчас и поблагодарю.

– Тогда не буду задерживать. Передавай привет Дане Родионовне.

Я пообещала непременно передать и сбросила вызов. Как раз принесли салат и...

– Аж целая бутылка? – удивленно взглянула на ведро, в котором охлаждалось шампанское. – Мы не окосеем?

– Вряд ли. Но Артуру лучше звони сейчас.

Признаюсь, мелькнула мысль отделаться сообщением, но это уж было совсем трусливо. Поэтому я набралась смелости, нашла его номер в телефонной книге и позвонила, да. А потом еще и честно слушала гудки аж до тех пор, пока связь сама собой не оборвалась.

– Не берет, – пожалала плечами я и, не без облегчения, настрочила: «Спасибо вам большое за маму. Есения», а для Даночки пояснила: – Отправила сообщение с благодарностью, а то потом забуду.

– Ну да, – усмехнулась она. На этом с разговором о Вершинине было покончено. За что я была Даночке страшно благодарна.

Ждала ли я от него ответа? Да, почему-то... Может, и впрямь я зажралась, как утверждала Романова, привыкла, что он где-то рядом. Но Артур не ответил. Ни в тот день, ни на

следующий, хотя сообщение прочитал. Ну и ладно – решила я и, чтобы поскорее забыть о своем позоре, с головой окунулась в работу. И как же нелегко это было! Я уходила рано утром, возвращалась под вечер и падала на диван от усталости. Не поверите, занималась с детьми. Будто с нуля начинала. А потом, когда все расхотелось, оставалась с Даночкой и отработывала, отработывала, отработывала... один элемент за другим. И то в отчаяние впадала, потому что все двигалось вперед не так, как я хотела, то в эйфорию, когда все получалось. Недели через три даже стала осматриваться по сторонам, а то ведь все в себе, да в себе... Впервые по-настоящему увидела Руслана, который все это время тоже впахивал в группе с мальчиками. Присмотрелась – вызнал профессиональный интерес, знаете ли. Вечером даже стала отсматривать спектакли с его участием, чтобы понять, о какой сбитой оси говорила Романова. И поняла, ага. В театре (видно, за неимением лучшего) ему давали сольные партии. И если бы не травма, уже в этом году он мог быть назначен премьером. Да только с точки зрения качества исполнения до премьеры ему было как до звезды. Из плюсов – рост, сила, выносливость, хорошая координация и прыжок. Из минусов – сбитая ось, да и практически полное отсутствие артистизма.

Поймал меня как-то на перерыве.

– Давай дружить! – очаровательно улыбнулся. Он мне чем-то напоминал телка на веревочке... Такой добрый увалень, знаете? Упертый, исполнительный, но не слишком инициативный. Совершенно не мой типаж. Зато человек хороший. Это сразу считывалось. Не подлый. Таких в театре можно пересчитать по пальцам. А учитывая, что у меня здесь не осталось друзей, да и то, что впоследствии именно он мог оказаться моим партнером, отказываться от дружбы с ним было глупо.

– Давай. Есения. – Подала руку.

– Да я тебя еще мелкой помню! И потом, я все твои спектакли смотрел, – как будто бы засмутился. – В прессе писали, что ты вторая Уланова.

– Предпочитаю быть собой, – поморщилась я. – Кстати, я тоже твои спектакли видела.

К удивлению, Руслан покраснел. Проблеял что-то невнятное. И этим еще больше мне понравился.

– Ничего особенного. Ты в курсе, что меня взяли для мебели? Ефимов так и сказал – хорошо будет стоять с его ростом.

Я рассмеялась. И заметила весело:

– Тогда ты здорово прогрессируешь.

Так и началась наша дружба. Не то чтобы я не понимала, что Руслан хочет большего, но... Не мой типаж, да. Зачем? Достаточно было того, что по вечерам, когда уже даже Даночка уходила, мы занимались вместе, поддерживая, мотивируя, хохоча, обзываясь, каждый раз придумывая новые прозвища. А по вечерам или в редкие выходные скидывали видосы с удачными партиями, но чаще – с ужасными, мыли кости коллегам, сетуя на то, что балет нынче не тот, и скрупулёзно отыскивали ляпы в танцах друг друга. В этом смысле мы с Русланом были неравны. Я танцевала, без ложной скромности, чисто.

– Это что? – прыснула, ткнув его в бок. – Кто тебя учил так опускать партнершу после поддержки? Жопа – о! – я отключила бедра. – На это же без слез не глянешь. И почему она по тебе ползет, когда у Чайковского здесь аккорд? Тынц. И все. Она должна спрыгнуть.

– Да, стульчик я не умею. И руку боюсь отпустить – вдруг грохнется.

– Вот чтобы этого не случилось, вы и ходите на репетиции. Партнеру нужно доверять. Тем более такому сильному. – Я встала и поманила Руслана пальцем. – Подставь руку.

– Нет, Сень, ты че? Я не буду делать с тобой поддержку, я...

– Давай. С партнерами тебе тоже не везло. Давай, я знаю, что делаю.

Понятия не имею, откуда во мне взялась уверенность, что у нас все получится. Мы оба только-только оклемались после травмы и всего пару раз что-то вместе пытались изобразить. А тут, на каком-то кураже...

– Ну? Подставь ручку.

Мы стали на позицию, я сделала пару вращений, он подставил руку, и... я взмыла под потолок. А потом так же легко прыгнула на пол. Руслану и делать ничего не пришлось.

– Озвереть... Нет, я знал, что так и должно быть, но... Давай еще! – загорелись глаза парня. Я могла его понять. Когда привык делать за партнершу ее работу, а тут – оп, и она все сделала сама, нельзя не проникнуться. И я бы, может, пошла Руслану навстречу – самой понравилось, как легко у нас все получилось, но от двери раздались аплодисменты:

– Хорошего понемногу, – строго заметила... Даночка. А ведь мы думали, что она ушла.

– Хорошего? – заулыбались мы.

– Ой, вот только не надо. До идеала вам еще пахать и пахать, – одернула нас Романова, возвращая с небес на землю. – Но мне нравится, как вы смотрите, хорошие линии получаются. Надо это обмозговать. Сень, а что если мы этот кусочек на смотре покажем?

– А Руслану это зачем? Партия и так за ним, – удивилась я, озираясь на друга.

– Да я не против, – пробубнил тот.

– Ему это тоже будет полезно. Тебе же Ефимов в лицо говорил, что ты ничего не можешь? Руслан страшно покраснел. Провел рукой по слипшимся от испарины волосам и кивнул:

– Об этом все знают, да? – отвернулся.

– Да какая разница, если он ошибся? Ты можешь все! И докажешь это.

Мы перекинулись взглядами и синхронно пожали плечами. Что из этого выйдет, было совершенно непонятно. Но шанс нельзя было упускать. Я все лучше чувствовала ногу, Руслан тоже потихоньку совершенствовался. Это был шанс. Последние перед смотром дни мы репетировали как одержимые. Ставки были высоки. И у меня, и, думаю, у Руслана. Просто у нас были разные ситуации. От меня изначально ждали много, а от него – напротив. И если честно, я даже не знаю, что из этого было хуже.

Смотр состоялся в начале июня. И на этот раз чужих глаз было ого-го сколько. Волновалась ли я? Еще как! Деньги, которые мне удалось скопить за время работы в столице, стремительно заканчивались. И тут речь уже даже не шла о том, какие партии мне дадут. Важно было получить работу. Любую! Станцевали далеко не идеально, на репетициях, бывало, у нас и лучше получалось, но уж как вышло. Музыка стихла, мы присели в поклоне. Зажегся свет. И я, к удивлению, увидела среди зевак... Вершинина! Правда, обмозговать это не получилось. Меня сразу же пригласили в кабинет к художественному руководителю, где я от волнения вообще все на свете забыла.

– Ну что, поздравляю, Есения Сергеевна! С понедельника можете приступать...

Взяли! Меня взяли... Мамочки! И завертелось все, закружилось. Договор, оформление, то да се. Из театра вышла – голова кругом. В дверях едва не столкнулась с Вершининым. Отскочила, пробормотав какую-то глупость, ломанулась сдуру вниз. И тут вдруг так стыдно за себя стало! Как обухом по голове. Я пожевала губу, обернулась и... пошла к Артуру. Он остановился, явно удивленный моим поведением, и, ни капли не облегчая мне эту ситуацию, вопрошительно вздернул бровь.

ГЛАВА 6

Настоящее

– Есения? Ты что здесь делаешь? – ровно поинтересовался... Артур. Я отвернулась в ужасе. Согнув руки в локтях, обхватила голову – абсолютно уверенная в том, что поймала глюк, и всхлипнула, вжимаясь до белых пальцев в лохмотья сарафана. Домечталась, блин. И что теперь? Наверное, что-то можно сделать. Даже шизофреники при желании учатся контролировать свои галлюцинации. Чем я хуже?

– Есения? – голос Артура прозвучал настойчивей. – У меня еще несколько встреч и...

Голос Вершинина доносился до меня с помехами, как звуки старого радиоприемника. Картинка перед глазами плыла и пульсировала. То накатывала, странно изгибаясь в пространстве, то отдалялась. Кожа страшно зудела. Тело вибрировало от прилива дурной энергии, которая требовала, но пока не находила выхода. А кровь в венах разогналась до тех скоростей, при которых ее движение стало физически ощутимым.

– Ты мне чудишься, – прошептала я, а потом, подумав, что такая формулировка никуда не годится, перефразировала: – Он мне просто чудится.

Ведь если его нет, я же не могу говорить с ним. Как бы мне ни хотелось!

– Ты под чем-то?

– Да... Да, под чем-то. Этот мудака, наверное, мне что-то подсыпал... Точно, – засмеялась я. – Я не хотела его, а он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.